

въ варенья, они перекочевали въ гостиную, сѣли за піанино и стали играть въ четыре руки.

Солнце склонялось къ заката, и на стѣнѣ горѣли золотистыя пятна, освѣщая крупные алые цвѣты обоевъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, не прогуляться ли намъ?—спросилъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, барабана по клавишамъ. — Скоро мнѣ надо будетъ уходить...

Раиса нерѣшительно посмотрѣла на жениха.

— Мы проводимъ тебя—съ маманъ?

— Merci bien! Ого! съ маман!

Она ласково улыбнулась ему и встала. Онъ кончилъ игру невѣроятнымъ диссонансомъ. Подавъ руку невѣстѣ, Ѳеодоръ Игнатьичъ храбро прошелъ съ нею мимо Варвары Тихоновны.

— Sais-tu, Раиса,—началъ онъ,—мнѣ наша свадьба кажется чѣмъ-то неосуществимымъ. Право, ужасно долго ждать!

Они шли по аллеѣ невысокихъ кустовъ смородины. Вдали въ золотисто-розовой пыли туснелись лиловые силуэты зданій большого города. Еще дальше, темной стальной полоской казалась рѣка. Было тихо, и надъ красивымъ необъятнымъ пейзажемъ блѣднымъ воздушнымъ куполомъ висѣло лазурное небо. На фонѣ огненного заката черной массой выступала больница, по ту сторону оврага, окружавшаго усадьбу.

Гранковскій обнялъ невѣсту и продолжалъ:

— Зачѣмъ ждать, Раиса?

— Это надо, Ѳеда... А зачѣмъ спѣшить?

Она посмотрѣла на него и прочитала отвѣтъ въ его глазахъ. Она покраснѣла, прижалась къ нему и прошептала:

— Я люблю тебя, Ѳеда.

Молча шли они дальше. Аллея наклонно вилась по скату горы. Ихъ шаги становились все быстрее и быстрее.

— Теперь ты, конечно, скажешь, Раиса, о чемъ вчера за обѣдомъ...

— Ѳеда, неужели всѣ мужчины такіе любопытные? Ахъ, Ѳеда, какъ стыдно! Я хотѣла еще дольше помучить тебя—да и слѣдовало бы... Но Богъ съ тобой. Сядемъ здѣсь.

Они сѣли на скамейкѣ, подъ тѣнью стараго шелковичнаго дерева.

— Дай мнѣ ухо, я тебѣ скажу на ухо, Ѳеда.

Она положила ему на плечо обѣ руки и подбородокъ.

— Я сказала, Ѳеда,—шопотомъ начала она,—что меня напрасно принимаютъ за ребенка... что меня обижаютъ...

— Только это?—разочарованно спросилъ Гранковскій.